терялъ всякую поддержку со стороны, предоставляется самому себѣ, утрачиваетъ устойчивость и быстро пойдетъ на убыль.

Россія возсоединится, разрозненныя части ея, всѣ тѣ государственныя образованія, какія возникли на ея необъятныхъ пространствахъ, сговорятся, столкуются между собою, найдутъ общую равнодѣйствующую, которая поможетъ во имя національныхъ интересовъ государства сплотиться вокругъ тѣхъ общихъ цѣлей, къ которымъ всегда устремлялось все передовое въ Россіи и къ которымъ внѣ всякаго сомнѣнія, она будетъ тяготѣть и теперь, какъ только пройдутъ за днями невзгодъ, также и дни тяжелой трудной созидательной работы.

Вѣдь передъ нами сейчасъ не только первоочередная задача объединенія, но и столь же важная задача возстановленія всей народно-хозяйственной и культурной жизни на основахъ права и свободы, безъ чего мы обречены на небытіе, безъ чего мы не можемъ удержаться въ той великой міровой борьбѣ за право на жизнь, которая не прекращается даже тогда, когда мечи молчатъ и слышны орала.

Мы должны быть готовыми къ великому неустанному труду, который поможетъ намъ увидѣть свою родину въ довольствѣ и счастьи. И когда эта задача будетъ разрѣшена, мы только тогда можемъ облегченно вздохнуть, сказавъ себѣ: — мы сдѣлали все, что отъ насъ требовалось.

Въ Германіи.

Скудныя свѣдѣнія съ Запада сообщаютъ о революціонномъ движеніи въ Германіи?

Каковы характеръ, причины и цѣли, идеи и программы Германской революціи?

Можно ли проводить аналогію между событіями въ Германіи и революціей въ Россіи?

Сбывается ли надежда большевиковъ или это нѣчто совершенно отличное?

Началась ли соціальная революція или нѣчто гораздо болѣе скромное?

Движеніе въ Германіи только еще начинается, трудно гадать о его дальнѣйшемъ развитіи. Тѣмъ не менѣе, на основаніи анализа прошлаго и аналогіи съ Россіей можно нѣсколько оріентироваться въ положеніи.

Анализъ русской революціи позволяетъ установить, что послѣдняя началась февральскими, а не октябрьскими днями.

Она началась какъ протестъ противъ пораженій на фронтѣ, противъ предательства правящихъ и ихъ готовности заключить сепаратный миръ.

Такъ началась парламентская революція въ Россіи, а черезъ нѣсколько часовъ движеніе уже приняло характеръ республиканскаго и демократическаго переворота, освобожденія отъ глубоко ненавистной и насквозь прогнившей государственной системы, и этотъ переворотъ былъ единодушно принятъ всей Россіей.

Дальнѣйшимъ моментомъ было расхожденіе между парламентской и народной революціей въ вопросахъ войны и мира, и съ этого момента русская революція какимъ то фатальнымъ образомъ беретъ въ свои руки недоконченное дѣло русской Имперіи и съ неотвратимой силой доводитъ его до Брестской капитуляціи.

Россія попала въ лапы большевиковъ потому, что она уже не могла продолжать войну и еще не могла добиться мира, хотя и была еще далеко отъ полнаго истощенія. Часть арміи и флота сдѣлали большевизму карьеру. И наименьшую роль въ большевистскихъ успѣхахъ играли „производственныя отношенія“ и классовая борьба.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ совершается революціонное движеніе въ Германіи.

Въ Германіи нѣтъ на лицо тѣхъ отрицательныхъ признаковъ, которые могли бы объединить всю націю въ одномъ революціонномъ порывѣ.

Значительные дефекты ея конституціи были, повидимому, исправлены до начала мирныхъ переговоровъ.

Германское крестьянство не имѣетъ стимуловъ къ радикальнымъ соціальнымъ измѣненіямъ, еще менѣе германская буржуазія, вполнѣ удовлетворена своими политическими правами, особенно въ ихъ новой редакціи.

Армія не приходится требовать мира.—Миръ на лицо

Остаются рабочіе.

Но тактика германской соціалъ-демократіи и германскихъ профессіональныхъ союзовъ, выработавшаяся въ теченіи долгихъ лѣтъ борьбы, порою очень напряженной, можетъ служить доказательствомъ того, что анархо-подобные методы дѣйствія не въ нравахъ и не во вкусахъ германскаго пролетаріата. Германская соціалъ-демократія неизмѣнно отвергала идею всеобщей стачки для предотвращенія войны съ упорствомъ, равнымъ только тому, съ которымъ Германское правительство отвергало предложенія о международномъ судѣ для рѣшенія международныхъ споровъ. Германская соціалъ-демократія отличалась той же организованностью, что и германская буржуазія, такой же научной подготовленностью въ борьбѣ за свою программу, тѣмъ же патріотизмомъ.

Оттого-то ея боялись и ненавидѣли.

Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что въ Германіи невозможны революціонныя вспышки. Война должна была накопить много недовольства, обусловливающаго болѣе или менѣе острыя выступленія.

Въ частности, могло сказаться и вліяніе національныхъ моментовъ.

Армія стала покидать фронтъ но она уходитъ не отъ Родины, не изъ эгоизма--и опасность этой „стихійной демобилизаціи“, иного порядка, чѣмъ у насъ.

Достаточно причинъ для рѣзкой реакціи и у рабочихъ--милитаризація фабрикъ, голодные пайки и т. д. Разочарованіе въ династіи и въ военныхъ босахъ велико, и на этой почвѣ могутъ пользоваться успѣхомъ республиканскія выступленія.

Все это естественно.

Но условій для соціальнаго переворота въ Германіи нѣтъ, и нѣтъ почвы для глубокихъ внутреннихъ потрясеній и нѣтъ причинъ для развала государства,—основныхъ условій успѣха большевистской агитаціи.

Но есть и глубокій смыслъ въ новыхъ явленіяхъ германской жизни.

Падаютъ послѣдніе остатки, исчезаютъ послѣдніе слѣды абсолютизма въ Европѣ, абсолютизма государства и какія

Открываются новыя страницы въ исторіи міра, закладываются новыя основы международныхъ отношеній,—освобождаются для творческой работы новые, малые, до сихъ поръ національно угнетенные народы,—создаются новыя условія и новыя перспективы для ихъ историческаго развитія. С.